

Политическая экономия и лесоводство.

1.

... Едва-ли не самым животрепещущим, но и самым смутным и невыясненным вопросом в области лесного хозяйства—в наши дни—является вопрос о взаимоотношении между политической экономией и лесоводством. Доказательством этого служит уже одно то, что первый лесной сборник, изданный комиссией по изучению естественно-производительных сил при Российской Академии Наук,^{*)} посвятил означенному вопросу две статьи: 1) «К вопросу о лесной экономии» (профессора М. И. Боголенова) и 2) «Об изучении русского леса с экономической точки зрения» (С. Н. Недригайлова).

Автор первой статьи с первых же строк заявляет следующее: «Следует откровенно признать, что политическая экономия весьма мало уделяла своего внимания лесному хозяйству в смысле изучения его характерных и иногда весьма существенных особенностей». (стр. 135-я).

Причина этого, по мнению проф. Боголенова, лежит в том, что «постановка настоящей экономической проблемы леса стоит вне основных течений экономической теории».

Другой автор (С. Н. Недригайлов) в своей статье, указанной выше, трактует о том, что мы «должны приступить к безотлагательной разработке, прежде всего, основ самостоятельной от лесной техники лесоэкономической науки на твердом, устойчивом базисе политической экономии, изучающей народное хозяйство в целом, т. е. общественные отношения людей в пределах их хозяйственной деятельности» (стр. 163-я).

В том же, первом лесном сборнике—помещена и статья проф. Г. Ф. Морозова: «О постановке лесоводственного образования в Университете» (воспроизведена в печати по оставшейся рукописи автора), в которой, между прочим, говорится о том, что: «Научная природа лесоводственной дисциплины довольно сложна, и прежде всего, она делится, как с.-х. наука, на две группы: на область лесоводственного естествознания и тесно связанной с ним техники, и на другую отрасль—лесоводственного обществоведения или экономики» (стр. 11-я).

Высказываясь против энциклопедического курса, проф. Морозов высказал в то-же время пожелание, чтобы: «преподавание лесоводства, прежде всего, было-бы поручено двум специалистам: одному—лесоведение и лесоводство, а другому—экономика, политика и организация лесного хозяйства», т. е. тех дисциплин, которые были названы Георгием Федоровичем—«лесоводственным обществоведением». (стр. 18-я).

^{*)} См. «Лес, его изучение и использование». Петроград 1922 г.

Мотивировка такого расчленения лесоводства на две столь различные в научном отношении, или в своих научных основаниях, области заключается в том, что преподаватель Высшей Школы — не может и не должен ограничиваться преподавательской деятельностью, он непременно должен быть и научным деятелем в сфере преподаваемой им дисциплины или дисциплин». (Там-же).

Мы можем еще указать на статью*) Н. Лютовского: «Очередные задачи лесной экономики», в которой говорится, что последней «остается осознать себя в качестве самостоятельной дисциплины, расширить базу своих исследований и стать, в смысле методов работы, в большую близость к общей экономике, составляющей целое по отношению к лесной экономике, части его»...

Необходимость обособления и развития лесной экономики сознаана не только в России. Так, в журнале: «Forstwissenschaftliches Centralblatt» (за 1923 г. (Heft 3) мы находим такую классификацию (см стр. 102-ю):

А. Betriebslehre (учение о лесном производстве), которое разделено на две части:

I. Technologie (Lehre von der foretlichen Technik), т. е. учение о лесной технике и

II. Ökonomik (экономику).

B. Vervaltungslehre (учение об управлении или заведывании лесами).

Практическая потребность обособления экономики и выяснения ее роли в области лесоводства подчеркивается и таким органом, как «Лесопромышленность и Топливо» (см. № 1. 1923 г.), в котором указывается на весьма слабую разработку «вопроса о взаимоотношениях лесоводства и политической экономии» и на то, что выявление этой основной связи, в обстановке современного истощения лесов, может дать лесным практикам гораздо больше материала для правильного и глубокого понимания их задач, чем многие инструкции и правила» (стр. 74-я).

Таким образом, мы имеем, с одной стороны, некоторый подход к разрешению вопроса о лесной экономике, а с другой — определенное требование практики лесного дела; сетующей на весьма слабую разработку «вопроса о взаимоотношениях лесоводства и политической экономии».

Основываясь на этом, мы и постараемся ниже, в кратких штрихах зарисовать некоторые моменты, способствующие выяснению интересующего нас вопроса.

Начнем с совершенно забытой и никем не цитированной статьи Вильгельма Рошера: «Экономические основания лесоводства», опубликованной в переводе еще в 1865 году**).

В этой статье В. Рошер, один из основателей германской исторической школы в экономической науке, говорит следующее: «Лесоводство

*) См. журнал «Сельское и лесное хозяйство». № 1, 2 и 3 1921 г. стр. 190-я.

***) См. журнал «Сельское хозяйство и лесоводство». 1865 г. март.

сложилось, имея в виду достижение практических целей (непрерывного и выгоднейшего пользования лесами), частью из естественных наук, частью из экономических начал». И далее... «(Экономические начала) применяются ко всем тем случаям, когда имеется в виду ценность лесных произведений»...

В этих определениях нет еще разделения лесоводства на две дисциплины: 1) лесоведение и 2) лесозакономику, но, по существу, нет и противоречий с тем расчленением, которое произвел Г. Ф. Морозов: а) лесоводственное естествознание и б) лесоводственное обществоведение или экономика.

Стало-быть, в лесоводстве — мы имеем, прежде всего, двоякого рода основания или начала: 1) одни-естественно-исторические, а 2) другие — экономические.

И для нас совершенно очевидно, что первые должны найти и находят свое отражение в лесоведении (общем лесоводстве), а вторые — в народившейся не так давно дисциплине: лесной экономии...

Чтобы видеть, как именно отразились экономические учения в лесоводстве, — мы должны отступить несколько вглубь лесной науки и порыться в ее памятниках, отыскивая те места, в которых заметно влияние политической экономии.

«Все мы, русские лесничие, знаем, — говорил Д. Бравчинский, — что родиной правильного, идейного, принципиального лесного хозяйства надо считать Германию», и что мы получили «от наших германских учителей — технику и учение о лесном хозяйстве» (см. О типах лесонасаждений в их хозяйственном значении. Доклад XI съезду лесных хозяев в г. Туле).

Отсюда-необходимость совершить маленькую экскурсию в немецкую лесную литературу.

Начало научному развитию лесохозяйственной экономии в Германии было положено в середине 18-го века, почти одновременно с появлением лесной науки в целом. В 1757 году появилось сочинение W. Mosera: «Grundasätze der Forstökonomie», в котором излагались, собственно говоря, все лесные знания того времени, в слитном виде.

Стало-быть, в понятие «лесной экономии» (Forstökonomie) вкладывалось и лесоводство и лесоправление, и даже лесная технология. В. Мозер в своей книге касается также и вопроса опеки правительства над частными и общественными лесами (лесной политики).

Последний вопрос вырастает позднее в совершенно самостоятельную дисциплину, которую отдельные авторы именуют, то «государственным лесным хозяйством» (Staatsforstwissenschaft), то «лесной политикой» (Forstpolitik).

В этой области первоначально господствует точка зрения меркантилистов, а затем сменяется — другой, а именно: точкой зрения школы Адама Смита. Взамен запретительных мер, выступает на сцену продажа казенных лесов в частные руки, пока против этого не восстает известный

лесовод Георг Гартиг, ставший в 1811 году во главе прусского лесного управления.

W. Pfeil, который первоначально ратовал за полную свободу лесной собственности, позднее примыкает к тем, кто стоит за ограничение частно-хозяйственного принципа в лесоводстве.

Тем не менее, лесоводственное учение продолжает еще питаться соками старой, классической школы Адама Смита. На лес устанавливается взгляд, как на имущество, которое должно давать капиталисту тот-же самый процент барыша, который получается и от всякого другого предприятия. Рождается финансовая школа лесоводов, к числу которой принадлежат такие имена, как: Фаустман, Пресслер, Г. Гейер, Юдейх и другие.

Лучше всего можно проследить влияние идей политической экономии на спелости в лесном хозяйстве и оборотах рубки. Сам Юдейх^{*}), говоря о количественной или абсолютной спелости, основанной на кульминации прироста, т. е. максимальном производстве сыро-растущей древесины, указывает, что принцип этой спелости «составляет лишь применение к лесоводству физиократической системы политической экономии» (§ 19.) Как известно, школа физиократов (Франсуа Кене и др.) полагала, что задачей хозяйственной деятельности является производство возможно большего количества сырьевых продуктов, получающихся в земледелии. Тот же принцип был перенесен и в лесоводство. В итоге-явилось учение о количественной спелости и соответственном обороте «наибольший материальной добычи».

Школа Адама Смита внесла изменения в этот вопрос политической экономии, и взамен спелости наивысшего материального дохода-появилось учение о спелости экономической или хозяйственной кульминации лесной ренты, а затем-учение о финансовой спелости, почвенной ренте и финансовом обороте рубки.

Учение о спелостях в лесном хозяйстве вошло в курс лесоустройства; вследствие чего, по словам С. Н. Недригайлова, «лесными экономистами, так сказать, в самый момент создания ими лесной экономики она совершенно обезличивается и, будучи ошибочно отождествлена или сроднена с технической дисциплиной, сразу, не родившись еще, перестает существовать, конечно, как наука экономическая» (См. «Лес, его изучение и использование». Петроград, 1922 г. стр. 157-я).

Эта трагедия лесной экономики не изжита еще и до настоящего момента, как в России, так и в Германии.

В последней, в дополнение к государственному лесному хозяйству и лесной политике и даже лесной полиции (Forstpolizeilehre), — зарождается еще новая наука — лесная статика (Forststatik).

В 19-м столетии профессор Гессенского Университета, знаменитый

^{*}) См. «Die Forsteinrichtung» (Лесоустройство). 7-ое изд. 1922 г.

Гундесгаген, основатель научного лесоводства в Германии, определяет лесную статику, как «искусство соизмерять силы, действующие в лесном хозяйстве, с результатами хозяйства». Одновременно с Гундесгагеном над вопросами лесной статики работает Пфейль, а затем и другие...*)

Любопытно отметить здесь, что под действующими в лесном хозяйстве силами понимается не что иное, как факторы производства: природа, труд и капитал. Мы имеем, следовательно, первую главу лесной экономики; хотя эта глава представляет скорее практическое приложение, «искусство соизмерять силы», чем теоретическое изложение науки.

Те же основные вопросы политической экономии в лесоводстве входят, как составная часть, и в предмет «лесной политики». Так, Dr A. Schwappach в своей книге: «Forstpolitik, Jagd- und Fischereipolitik» (в мае 1894 г.) разбирает вопросы значения сил природы, капитала и труда—в лесном хозяйстве—в первой (общей) части, посвящая вторую (специальную) часть вопросам развития лесного хозяйства (отдел 1), лесной полиции (отдел 2) и органам лесной политики (отдел 3).

Профессор Мюнхенского Университета, М. Эндрес**) в «Курсе лесной политики с особенным рассмотрением законодательства и статистики» также отводит некоторое место вопросам лесной экономики (факторы производства в лесном хозяйстве: почва, капитал, труд; системы хозяйства; древесные доходы, денежные доходы). Наряду с этим рассматриваются вопросы лесного законодательства и статистики. Тем не менее, этот курс, заключающий в себе лесную торговлю, лесную кооперацию (лесные товарищества) и лесохозяйственный вещественный кредит является наиболее полным из всех остальных лесоэкономических работ систематического характера.

Конечно, вопросы лесоэкономического познания (Forstökonomische Erkenntnislehre) и лесоэкономической методологии (Forstökonomische Methodenlehren) еще не назрели в немецкой лесной литературе, ибо обычно они ставятся на очередь только тогда, когда накопится уже некоторый материал и подоспеет момент его теоретической, научной обработки.

Во Франции начало лесоэкономической литературы нужно считать с момента выхода в свет работы Clave: «Etude sur l'économie forestière», если не считать, что вопросы лесоэкономики находили себе место в курсах лесоустройства. И здесь нужно отметить пробуждение лесоэкономических вопросов, в связи с продажей казенных лесов. Влияние меркантильной школы, школы физиократов и школы А. Смита, разумеется, сменяя одна другую, было также ощутительно на структуре лесоводства во Франции, как и в Германии.

*) См. «Der rational Waldwirt» Прессла—1865 г. и «Handbuch der forstlichen Statistik» Густава Рейера—1871 г.

**) Handbuch der Forstpolitik mit besonderer Berücksichtigung der gesetzgebung und statistik. Von Dr. Max Endres. 1906 г.

Еще в XVIII столетии Бюфон в своих «Memoire sur la cultur des forêts» поднимает вопросы лесоэкономики и говорит о том, что при выборе тех или иных лесохозяйственных мероприятий — надлежит принимать во внимание «издержки производства».

В 1888 году директор Нансийской Лесной Школы (высшей) А. Putton выпускает первую часть своего 3-х томного труда: «Traité d'économie forestière», в котором, по аналогии с политической экономией, выделяет лесохозяйственную экономию (économie forestière), как изучение производства, обращения и потребления лесных ценностей. А. Putton рассматривает дерево, как работника, производящего древесину, насаждение, как рабочую ассоциацию, а лес, как предприятие, назначенное для производства древесины.

Другой французский автор G. Huffel *) рассматривает лесную экономию, как науку, изучающую лес с точки зрения полезности его для человека. Труд Гюффеля (Economie forestière) представляет собою ряд этюдов по вопросам о лесных продуктах, значении леса, лесной собственности, лесного законодательства, лесной политики и статистики. Это — «сборный предмет», нагруженный разнородным материалом. Лесная экономия, в чистом виде, еще не кристаллизована; она растворена еще в общей массе, подобно тому, как это имело место в курсах немецких авторов: Schwappach'a и Max Endres'a...

Общим, однако, остается одно и то же основное явление: приложение политической экономии к лесоводству, или, что то же, применение экономической точки зрения при рассмотрении леса рождает особую дисциплину, которая, постепенно освобождаясь от излишних напластований и примесей, приобретает тот же облик, какой имеет и более общая наука, — политическая экономия, — научающая все народное хозяйство, в целом.

Отсюда — своеобразный взгляд на лесную экономию, как на частную, специальную экономику (Privat-Oekonomie), изучающую ту отрасль народного хозяйства, которая с давних пор получила наименование лесоводства.

Закончив свою маленькую экскурсию в область некоторых лесо-экономического характера сочинений, вышедших в Германии и Франции, обратимся теперь к тому, что сделано по лесной экономии в России.

2.

...В выпуске 1—2 «Лесного Журнала» за 1918 г., в качестве приложения, были помещены «Лекции государственного лесного хозяйства», читанные проф. А. Ф. Рудзким в 1885—1886 г.г. В журнале Совета СПб. Лесного Института от 15 января 1885 г., между прочим, записаны следующие слова А. Ф. Рудзкого о своем курсе государственного лесного хозяйства: «...я читаю его в рамках записок

*) G. Huffel. Économie forestière. Paris. Tome premier. 1904.

моих, изданных в 1882 г., т. е. я рассматриваю значение леса, экономические свойства лесного хозяйства, значение государственного лесовладения сравнительно с частным и вмешательство государства в частное лесное хозяйство».

Прочитывая лекции проф. Рудзкого, мы находим в них такие главы: глава первая—«Значение леса в народном хозяйстве», «Особенности лесного хозяйства» и глава вторая—«Роль государства в лесном хозяйстве страны».

В первой главе содержатся вопросы лесной экономии, во второй— вопросы лесной политики; здесь же имеется статья «О вреде народному хозяйству от полной свободы частного лесовладения». В этой последней А. Ф. Рудзкий говорит, что «дробление лесовладения должно быть признано вредным, между тем, как принцип полной экономической свободы допускает деление неограниченное, которое, в свою очередь, при сильном применении, должно вести к уничтожению лесного хозяйства» (стр. 107-я).

Тем не менее, проф. Рудзкий, в другом месте, выступает, как определенный сторонник частно-хозяйственной системы и приверженец школы Адама Смита:

— «Личный интерес,— говорит он,— есть самый могущественный двигатель во всякого рода улучшениях; он один вполне способен побудить к приисканию наиболее выгодных способов хозяйства».

В других лекциях, читанных в 1901 году*), проф. А. Ф. Рудзкий говорит следующее: «В народнохозяйственном отношении прямо бестолково будет стремиться к уничтожению какой-либо отрасли хозяйства потому только, что она не столь выгодна, как другие: в экономии страны, как и в народном отдельном хозяйстве, разнообразие культуры составляет весьма существенное условие успеха» (стр. 493-я).

Таким образом, проф. Рудзкий, строго говоря, должен быть отнесен к школе эклектиков, которые частично признавали общественно-хозяйственный (социалистический), частично-же частно-хозяйственный принцип.

В своем «Руководстве к устройству русских лесов» (изд. 1906 г.) проф. Рудзкий определенно возстаёт против применения в лесном хозяйстве финансового оборота рубки, построенного на спелости почвенной ренты. Он говорит, что, став на точку зрения финансовой школы лесоводов, «мы должны были-бы свести как можно скорее все леса старше 30-ти, а много—50-ти лет, т. е. выращивать только дрова, да жерди, бревна же и доски привозить из Америки».

Следовательно, в борьбе между так называемой «консервативной школой» или теорией лесной ренты и «финансовой школой» или теорией почвенной ренты,— проф. Рудзкий был на стороне первой, т. е. он защищал народно-хозяйственную точку зрения и указывал на тот вред,

*) см. «К вопросу о прямой роли леса в народном хозяйстве», «Лесной журнал» за 1906 г. № 5.

который может быть нанесен лесному хозяйству через полное и последовательное приложение оснований капитализма к лесному хозяйству.

Другим корифеем лесной науки, Ф. К. Арнольдом в 1891 году был выпущен том второй «Русского Леса» (часть 1-я), в котором помещена особая глава по лесной экономии, названная так: «*Экономические элементы лесного хозяйства*». Здесь, на первой странице, автор обращает внимание на то, что прежде ознакомления с техникой лесного дела необходимо «прочитать какой-либо курс или очерк политической экономии, чтобы уяснить себе основы и особенности лесного дела, как хозяйства» (стр. 1-я).

Таким образом, знание экономических оснований для лесовода признается существенно необходимым—прежде, нежели он ознакомится с лесной техникой. Ф. К. Арнольд понимал, что знание экономики поможет каждый раз ввести тот или иной корректив в техническое мероприятие, которое, будучи оторвано от экономики, само по себе, может нанести ущерб хозяйству, с точки зрения его экономической рациональности.

Указанная выше глава первая об экономических элементах лесного хозяйства содержит в себе рассмотрение трех факторов производства: природы, капитала и труда, в живой и образной форме. Это—первые шаги лесной экономии, которая неумело и примитивно подходит к экономической науке. Никаких откровений и зависимостей у Арнольда еще нет, как нет их ни у одной науки, находящейся на первой ступени своего развития.

В том же году, когда Ф. К. Арнольд выпустил второй том «Русского Леса», с зачатками лесной экономии, появился в печати и другой труд, специально-посвященный вопросам «*Народо-хозяйственного значения деятелей лесного производства*». Мы подразумеваем труд А. Краузе, законченный им в апреле 1891 г. в Новой Александрии. В этом труде впервые выдвигается мысль о необходимости самостоятельной науки, которую мы назовем лесной экономией (говорит А. Краузе).

«Объем и содержание лесной экономии (по словам ее основоположника) определяются тремя фазисами народного хозяйства, а именно: производством, распределением и потреблением, а потому наша наука тоже должна разделиться на три части: лесопроизводство, лесораспределение и лесопотребление» (из предисловия).

К сожалению, А. Краузе не осуществил задуманного им плана и выпустил только первую часть лесной экономии, которую он и озаглавил: «Народохозяйственное значение деятелей лесного производства». В этой части помещены—введение, в котором излагается история лесной экономии, гл. I-ая, почва, гл. II-я, климат, гл. III, древесные породы, гл. IV, насаждение и его произведения, гл. V, труд и гл. VI, капитал в лесном производстве. Все это—внутренние факторы лесного хозяйства:

о внешних, или общественно-экономических факторах названных нами*), «факторами обмена», А. Краузе вовсе не упоминает.

Несмотря на то, что труд А. Краузе в настоящее время уже устарел, тем не менее, он должен считаться основным и первоначальным для тех, кто желает серьезно ознакомиться с наукой—лесной экономией.

Помимо богатого цифрового материала и указания литературных источников, труд А. Краузе ценен еще и тем, что он намечает программу предмета, место его в ряду других дисциплин и метод.

«Ближе всего,—говорит А. Краузе,—лесная экономия соприкасается с лесоустройством».

Причины того, что лесная экономия до сих пор не получила должного развития, по мнению А. Краузе, «кроются в историческом развитии лесного хозяйства и, между прочим, в том, что полигико-экономы считали лесоводство слишком частным случаем экономии народа, а лесники увлекались техникою своего дела»...

«Что касается методов исследования нашей науки,—указывает А. Краузе,—то статистический метод занимает первое место. За ним должен следовать исторический метод, состоящий в том, что лесохозяйственные явления рассматриваются с самого начала их существования, или с того времени, когда они стали для нас заметными. На основании влияния, оказанного прошлым данным явлением на настоящее, мы делаем наши заключения о будущем. Наконец, мы прибегаем к исследованиям лесохозяйственных явлений путем наблюдения, для чего выбираем таковое из них, которое можно признать средним по времени и месту, или два явления при различных экономических условиях: в первом случае истина получается на основании абсолютной, а во втором на основании сравнительной оценки явления (стр. 10-я «Народно-хозяйственное значение деятелей лесного производства»).

Отсюда—близость лесной экономии к лесной статистике и истории лесного хозяйства; эти три предмета могли-бы составить, на первых порах, как-бы одно целое, служа друг другу взаимным дополнением. **)

Через десять лет после выхода из печати книги А. Краузе была прочитана проф. М. Орловым в Сиб. Лесном Институте вступительная лекция (25 сентября 1901 года), которая затем была опубликована в «Известиях» названного Института (1903 г. вып. 9-ый) под заглавием: «Содержание и цели лесоустройства».

В этой лекции говорится, что «...для надлежащей ясности было-бы правильнее отдел лесоводства, занимающийся изучением экономических

*) см. «Теория лесного хозяйства». Курс общей лесозащиты, 1922 г. Госизд. Белоруссии. Минск.

**) По свидетельству А. Краузе, лесная политика составляла самостоятельный предмет преподавания на лесном отделении Рижского Политехнического Института на лесном-же отделении Ново-Александровского Института этот предмет читался под названием «Лесная Экономия» в 1882 году. Авт.

особенностей лесного промысла, называть *лесохозяйственной экономией, или экономикой лесоводства*" (стр. 252-я).

Далее, по мнению М. Орлова, «экономика лесоводства представляется состоящей из трех частей: первой, об экономических особенностях факторов лесного хозяйства и различных форм его, второй, об основах способов организации, хозяйства и третьей, об экономических принципах управления и счетоводства в лесном хозяйстве» (стр. 255-я).

Все три части в настоящее время имеют свои названия: 1) лесной экономии, 2) лесоустройства и 3) лесоуправления, причем изложение первой должно предшествовать остальным.

Вше уже упоминалось о том, что некоторыми «лесными экономистами» лесная экономия была совершенно обезличена, будучи ошибочно отождествлена или сроднена с технической дисциплиной (лесоустройством).

И действительно, почти до самого последнего времени политическая экономия в лесоводстве находила свое место в курсе лесоустройства,* в первом его отделе, которому было придано такое название: «Общие основания организации лесного хозяйства». В этом отделе рассматривались факторы производства (природа, труд и капитал) и отношение к ним лесоводства, интенсивность лесного хозяйства и его основные формы.

Эти попытки** «сделать теорию технической науки, которая при этом не знает еще даже своих общих законов, лесной экономией—ошибочны».

«Такое положение не могло не выдвинуть, наконец, во всей силе и остроте вопросов лесной экономии, но уже в чистом ее виде, в ее подлинном содержании, а не как добавочное содержание теории лесной техники».*

И вот, в 1916 году, в апрельской книжке журнала «Сельское хозяйство и лесоводство» появляется статья проф. А. Г. Марченко: «Экономика лесоводства, как особая специальная дисциплина», в которой автор говорит, что «...в данное время наряду с учением об организации хозяйства в лесах должно существовать еще учение о лесном хозяйстве, как отдельной отрасли народного хозяйства, о лесном хозяйстве, как своеобразном экономическом предприятии» (стр. 536).

Говоря иными словами, короче, наряду с лесоустройством должна стоять лесная экономия или экономика лесоводства, как особая, специальная дисциплина.

В интересах полноты, мы отметим, что нами еще в 1914 году в «Очерках по экономике лесного хозяйства» подчеркивалась та мысль, что «экономическим вопросам лесного хозяйства и учению о рынках (внутренней и внешней торговле)—должно быть уделено исключительное внимание в новом предмете, которому надлежит дать и соответствующее наименование «экономики лесного хозяйства» («Лес» № 11. Ноябрь 1914 г.).

*) См. проф. М. М. Орлов. Лесоустройство. СПб. 1911 г.

***) См. С. Н. Недригайлов. Об изучении русского леса с экономической точки зрения. Петроград 1922 г.

Несколько позднее, а именно в 1918 году нами была написана небольшая книжка «Лесная экономия», выпущенная Костромским Губернским Отделом Земледелия в январе 1919 года.

В этом кратком курсе экономики лесоводства мы указывали, что «лесная экономия изучает законы и указывает приемы, с помощью которых при данных естественно-исторических и общественно-экономических условиях получается наивысший постоянный доход (стр. 9-я).

Самое содержание лесной экономии мы разбили на четыре отдела: 1) учение о факторах лесного производства; 2) учение о формах лесного хозяйства; 3) учение о лесной ренте и 4) учение о спелости леса.

К этим четырем отделам нами было добавлено особое приложение, в котором излагались некоторые принципы экономической классификации лесных насаждений и понятие о лесе, как экономическом явлении.

Спустя 2 года,*) мы определяли лесную экономию, как «теоретическую науку об особенностях, типических формах и законах лесного хозяйства», в отличие от чисто-прикладных дисциплин, — лесоустройства и лесоправления, пользующихся и применяющих выводы лесной экономии. (стр. 20-я).

Наконец, в 1922 году в курсе общей лесоэкономики («Теория лесного хозяйства», Минск 258 стр.) мы говорили, что «задача лесоэкономики, как науки, заключается в познании явлений лесохозяйственной жизни; иными словами, — лесная экономика стремится овладеть теми соотношениями или взаимной связью, которая существует между лесохозяйственными явлениями».

Таким образом, по нашему мнению, *лесная экономия, как приложение начал политической экономии в лесоводстве*, только тогда может стать вполне самостоятельной наукой, когда содержание и метод ее будут соответствовать задачам научного познания.

Профессор социальной экономии в Сорбонне, Шарль Жид говорит: «можно собрать тысячи фактов, а все таки для науки наступит время только тогда, когда будет установлена между ними известная связь» («Основы пол. экономии», изд. 1919 г. стр. 24-я).

Поэтому, когда мы говорим и мыслим о лесной экономии, как науке, то подразумеваем под этим термином не только совокупность систематически изложенных сведений, основанных на объективно-изученных и достоверных фактах, но и ту функциональную зависимость, которая существует между этими фактами, их связь между собою в форме определенных отношений, которые носят название научных законов..

3.

Проф. М. И. Боголепов**), говоря о том, что «лес вовлекся в орбиту внимания экономистов лишь тогда, когда он приобретал товарную форму»

*) См. заключительное слово «Лесная экономия, как наука. Введение в учение о лесном хозяйстве». Ветлуга 1920 г.

**) «К вопросу о лесной экономии». Проф. М. И. Боголепов, Первый лесной сборник К. Е. П. С.

указывает на то, что: «политическая экономия должна подойти к лесу ранее момента превращения его в рыночный товар» («Лес, его изучение и использование». Петроград 1922 г.).

«Адам Смит еще писал о «богатстве нации» — говорит М. П. Боголепов, — но и он уже перевел центр своего внимания с богатства на производство; а после Смита политическая экономия целиком сосредоточила свое внимание на учении о производстве, обмене и распределении, оставив в стороне понятие национального богатства, виднейшею частью которого и является лес» (стр. 135-я).

Но так ли это?... Стоит открыть первый том «Капитала» К. Маркса, чтобы прочесть там, в самом начале, следующее: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, представляет огромное скопление товаров, а отдельный товар — его элементарную форму. Наше исследование начинается поэтому анализом товара».

Стало-быть, вопреки утверждению М. П. Боголепова, понятие богатства не было вовсе оставлено экономической теорией; правда, в это понятие было вложено иное содержание, согласно которому мы не можем, напр., называть богатством общества — те лесные площади, на которых произрастают те или иные древесные породы, образующие участки леса — насаждения. В лучшем случае, мы можем определить их, как «природные богатства», как те сырые продукты, которые, будучи обработаны, могут превратиться в лесные товары и составить богатство в экономическом смысле.

Различие между сырораствующей древесиной и лесным богатством то-же, какое существует между понятием «богатство почвы» и ее действительным плодородием. Почва может быть природно богата, но плодородие ее сравнительно не высоко; весь секрет здесь заключается в степени усвояемости питательных для растения (культурного) имеющих веществ почвы. То-же самое и с лесом: мы можем иметь значительные запасы сырораствующей древесины и не иметь возможности воспользоваться ими с целью получения лесных товаров, т. е. тех или иных фабрикатов или полуфабрикатов древесины; значит, несмотря на «природное богатство» леса, степень его экономической «усвояемости» (экономического «плодородия») будет весьма невелика, и мы не можем говорить о лесном богатстве, в смысле скопления необходимых нам лесных товаров.

Только по мнению физиократов, богатство складывается из совокупности сырых продуктов. В отличие от них, Адам Смит считал богатством «совокупность разнообразных предметов, удовлетворяющих нашим потребностям».

С этой точки зрения, растущие деревья и насаждения могут считаться богатством лишь в смысле предметов, удовлетворяющих нашим эстетическим потребностям; для удовлетворения же наших материальных потребностей они должны быть превращены в дрова или материалы, т. е. стать лесными товарами, чтобы заслужить названия «богатства»...

Наиболее четкое и ясное представление в этом вопросе было дано К. Марксом*). Он различает, прежде всего, два понятия: потребительной и меновой ценности.

«Быть потребительной ценностью—необходимое условие для товара (говорит К. Маркс), но быть товаром—это назначение совершенно безразличное для потребительной ценности. Потребительная ценность в этом своем безразличии к экономическим формам своего существования, т. е. потребительная ценность, как таковая, находится вне круга исследования политической экономии».

В особом примечании к этим словам—К. Маркс добавляет, что «учение о благах следует искать в руководствах по товароведению», а не в политической экономии.

Принимая эту точку зрения, мы должны сказать, что растущие деревья и насаждения—представляют собою лишь потребительные ценности, но не меновые; стало быть, богатством в экономическом смысле они считаться не могут; они *могут считаться* богатством лишь после того, когда превратятся в товар...

Отсюда—указание проф. М. И. Боголепова на то, что «политическая экономия должна подойти к лесу ранее превращения его в рыночный товар»—не выдерживает критики, ибо тогда политическая экономия должна была бы превратиться в товароведение и трактовать о потребительных ценностях...

Мы можем допустить несколько иное толкование сделанного выше указания проф. Боголепова, а именно следующее: «политическая экономия, анализируя лесные товары, должна подойти к лесу и ранее превращения сырастающей древесины в товар», т. е. она должна дать объяснение самому лесоводству, как процессу выращивания этой древесины (ее производству)».

Считая всякий процесс производства, в том числе и лесоводство, носящим общественный характер, т. е. совершающимся в рамках удовлетворения общественной потребности—общим трудом общества, мы вскрываем одновременно ту «общественную субстанцию», которая присуща всякому лесному товару.

«Благо превращается в товар**), потому что его производители находятся в определенном отношении, в котором они должны выступать друг против друга в качестве независимых товаропроизводителей. Лишь в этой форме благо становится выражением общественного отношения, следовательно, приобретает общественную сторону, без этого благо представляет собою лишь естественную вещь, которая не включает в себе никакой проблемы».

*) „zur kritik der politischen Oekonomie“ (К критике политической экономии). Лондон. Январь 1859 г.

***) Рудольф Гильфердинг. „Постановка проблемы теоретической экономии у Маркса“. Сборник статей: „Основные проблемы политической экономии“. Госиздат. 1922 г. стр. 120 я.

Чтобы уяснить себе несколько возможность подхода к лесу, исходя из анализа товаров, остановимся здесь на следующем.

Фактическое отношение товаров, по Марксу, составляет их меновой процесс, но, вступая в этот процесс, они участвуют в нем, как меновые ценности. По отношению к древесине, принявшей форму товара, нам известна такая формула, определяющая меновую ценность (или рыночную стоимость):

$$M = t + v + r \dots \dots \dots (1.)$$

Эта формула говорит нам, что рыночная стоимость лесного товара (Marktpreiss) складывается из таксы (t), эксплуатационных расходов (v) и прибыли (r).

У Маркса имеется почти та-же формула:

$$K = C + v + m \dots \dots \dots (2.)$$

Здесь «C» означает постоянный капитал, в виде некоторой суммы, издержанной на приобретение средств производства, «v» — переменный капитал, т. е. сумму, издержанную на покупку рабочей силы и «m» — прибавочную ценность.

Если принять во внимание, что каждый лесопромышленник для производства товара (бревна, доски, шпалы, фанера, клепка и проч.) вынужден затратить некоторую сумму (t) на приобретение средств производства (сырораствующая древесина), а затем нанять рабочих для заготовки и вывозки лесных материалов, на что потребуется известная сумма (v) в виде переменного капитала, после чего уже получает на рынке, при продаже товара, известный доход — прибыль, в виде определенного процента на затраченные суммы (r), то сходство и аналогия двух написанных выше формул становятся очевидными. Можно полагать даже, что лесная таксация взяла свою формулу у К. Маркса, или что этот последний заимствовал ее из курса лесоводства (отдела оценки леса).

Образование прибавочной ценности происходит в силу того, что покупаемый капиталистом товар (наемный труд) обладает способностью, будучи потребленным в процессе производства, создавать меновую ценность и притом большую, чем меновая ценность самого товара — рабочей силы. Последняя определяется тем количеством общественно-необходимого рабочего времени, которое затрачивается для ее создания, т. е. ценностью тех жизненных средств, которые необходимы для поддержания существования рабочей силы.

Лесопромышленник, затрачивая деньги на покупку леса и наем рабочей силы — уплачивает последней столько, — сколько это необходимо для поддержания ее существования (v). Рабочие, производя валку леса, распиловку, вывозку и проч., — создают меновую ценность лесного товара, которая значительно выше меновой ценности их труда.

Если из меновой или рыночной ценности (m) лесного товара вычесть эксплуатационные расходы (v) на наем рабочих по заготовке и

вывозке, то получится формула для исчисления таксы древесины, т. е. той суммы, которая падает на долю лесоводства, за вычетом прибыли (r).

$$t = M - v - r \dots \dots \dots (3).$$

Тот же самый мы можем проделать и с формулой Маркса, определяя размер постоянного капитала (c), т. е. сумму, падающую на приобретение средств производства:

$$C = K - V - m \dots \dots \dots (4).$$

И в первом и во втором случае, мы можем установить возможность оплаты средств производства (постоянного капитала), которая будет тем выше, чем меньше эксплуатационные расходы (v) при условиях тождества прибавочной ценности (m) или процента прибыли (r).

Стало быть, доход лесоводства определяется размерами переменного капитала (эксплуатационными расходами), потребного для изготовления товара.

Эта зависимость уясняет нам весьма многие явления в лесоводстве и, прежде всего, степень его технического совершенства, т. е. применение различных мероприятий в лесном хозяйстве.

Если величина переменного капитала при производстве лесных товаров достигает максимума, как это имеет место при значительном расстоянии от мест сбыта, то на долю лесоводства приходится лишь минимум оплаты, вследствие чего производство лесокультурных работ и ухода за лесом становятся уже невозможными. И наоборот, при небольших затратах на наем рабочей силы при доставке, вследствие близости лесной дачи к месту сбыта (рынок) или путям сообщения, — позволяет лесоводству иметь большую долю (t) в общей сумме меновой ценности товара и вести, в связи с этим, более интенсивное хозяйство...

Так обр., анализ товаров и выяснение их общественной сущности позволяет нам „подойти к лесу ранее превращения его в рыночный товар“ и понять то, что без этого оставалось бы совершенно неясным.

Неудивительно поэтому, если еще Ф. К. Арнольд*) рекомендовал <разучить по курсу политической экономии, с одной стороны, суть капиталистического производства, а с другой — значение в нем прибавочного труда, — тогда сомнения рассеются> (говорил Ф. Арнольд).

Применяя метод К. Маркса, мы тем самым сблизим политическую экономию с лесоводством и тогда, по словам Н. Лютовского,**) „место лесовода-техника, как-бы вынужденно занимающегося несвойственными ему вопросами, должен занять экономист-лесовод, вооруженный всеми необходимыми данными из области социальных наук“.

Тогда, быть может, исчезнет и то положение, при котором <экономисту, изучающему законы народно-хозяйственного развития, наука лесоводственная стала чуждой и скучной, так как в ней он мог почерпнуть столь-же мало полезных для него сведений, как, напр., во всевозможных

*) см. „Русский лес“. Том II-й, часть 1-я. Второе издание СПб. 1918 г. стр 31.

**) См. „Очередные задачи лесной экономики“. 1921 г.

технических дисциплинах, как-то в <учении> о паровых котлах, или о «кокующихся углях» (<К вопросу о лесной экономии>, проф. М. И. Боголепов).

Заканчивая свой беглый обзор интересовавшего нас вопроса о взаимоотношениях между политической экономией и лесоводством, мы устанавливаем здесь *следующие краткие положения*:

— 1) Уже в старой лесной литературе имеется несколько зерен истины, но им не было придано заслуженного значения.

— 2) Основания лесной экономии, по возможности в ёжатой и простой форме, должны получить заслуженное место рядом с лесоустройством, иначе, лесные науки не могут рассчитывать на полноту, хотя-бы даже приблизительную.

— 3) *Лесная наука не должна уклоняться от влияния открытых в новейшее время основных экономических истин, причем в будущем—это будет еще более необходимо, чем сейчас.*)*

Проф. В. И. Переход.

Zusammenfassung.

1) Manche brauchbare Körner der Wahrheit finden sich bereits in der älteren forstlichen Literatur; man hat ihnen jedoch nicht die verdiente Beachtung geschenkt.

2) Die Grundsätze der Forstökonomie, möglichst einfacher und gedrängter Form, mussten neben der Forsteinrichtung ihren wohlberechtigten Platz finden, sollte die Forstwirtschaftslehre irgend welchen Anspruch auf nur annähernde Vollständigkeit erheben können.

3) Die Forstwirtschaftslehre (d'économie forestière) darf sich—dem Einflusse der in neuerer Zeit gewonenen, wirtschaftlichen Grund—wahrheiten—nicht entziehen; die Zukunft wird dies noch mehr anerkennen, als die Gegenwart.

Prof W. Perechod.

*) Эти мысли были высказаны еще Ф. Юдейхом в 1871 г., но и до сих пор не получили признания в лесоводстве.